

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Замечательный исследователь С.Я. Боровой когда-то обратил внимание на публикацию «Одесский сад» – в «Сыне Отечества» за 1823 год¹⁸². Ее автор – мичман, впоследствии лейтенант, декабрист Н.А. Чижов: «Мы входим в сад, и волшебное зрелище поражает наши взоры: воображаешь, что все народы собрались здесь наслаждаться прохладой вечерней и ароматнейшим запахом цветов. Рослый турок... предлагает вам вкусный напиток азийский, между тем как миловидная итальянка (похоже, Мария Негри. – **О. Г.**), сидящая под густой тенью вяза, перенесенного с берегов Волги, подает вам мороженое в граненом стакане... Толпы гуляющих беспрестанно встречаются с вами. Единоземец великого Вашингтона (безусловно, знакомый Чижову Е.В. Зонтаг. – **О. Г.**) идет подле брадатых жителей Каира и Александретты; древний потомок норманнов с утесистых скал Норвегии, роскошный испанец с берегов Гвадалквивира, обитатели Альбиона, Прованса и Сицилии собрались, кажется, чтобы представить здесь сокращение вселенной... Можно сказать, что в России нет другого места, где бы мы нашли подобное зрелище...».¹⁸³ Колоритно...

Картинка, нарисованная Ф.Ф. Вигелем, однако, ближе к пушкинскому видению: «Посреди города, на весьма небольшом пространстве, был публичный сад; на него было отвратительно и жалко смотреть. С мая невозможно было в нем гулять; видел ли в нем кто зелень когда-нибудь, не знаю: густые облака пыли с окружающих его улиц всегда его обхватывали и наполняли; мелкие листки акаций и тополей, коими был он засажен, серый цвет сохраняли все

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66.

лето. И это было единственное место соединения для жителей и вечерних для них прогулок; зато никого в нем не было видно. Зимой страшная грязь препятствовала сообщениям; о том одесситы мало заботились: это служило им новым предлогом, чтобы сидеть дома».

Заведение искусственных минеральных вод в Городском саду. 1830-е гг.

Мосты и коллектор

К ближайшей истории сада мы сейчас вернемся, но прежде необходимо коснуться вопроса преобразования прилегающего ландшафта. Врезающаяся в нынешнюю Греческую площадь Военная балка создавала немало проблем, в том числе транспортных: значительная часть Греческого форштата оказывалась как бы отрезанной от центра. Поэтому летом 1810 года подрядчик Федор Монако начал строить «мост через балку от Городового сада к театру»¹⁸⁴, который соединял главную аллею сада с улицей Ланжероновской. 13 октября этот путепровод был совершенно готов.¹⁸⁵ 28 ноября 1810-го архитектор Ф. Фраполли по указанию герцога Ришелье приступил к работам по устройству «стенки около моста близ Городового сада».¹⁸⁶ В итоге при острой необходимости гужевой транспорт мог проезжать с Херсонской и Преображенской прямо на Ланжероновскую.¹⁸⁷

Однако превращение общественного сада в транспортную развязку, понятно, не входило в планы градоначальника. По этой причине уже в феврале следующего года Одесский строительный комитет назначил торги на построение другого моста, в верховьях Военной балки, по Дерibasовской (тогда Гимназской, Гимназической) улице. Это делалось для того, чтобы транспортные средства могли объезжать Городской сад справа. Согласно контракту, заключенному со шляхтичем Яковом Бриндзою, длина моста должна была составлять 30 саженьей, ширина – 20 саженьей и один аршин, фундамент надлежало копать «до самой матерной

земли», выкладывая оный 8-вершковыми камнями. Кроме того, мост снабжался коллектором для водосбора с Александровской площади. Городской архитектор Фраполли освидетельствовал исполнение к середине апреля 1812 года, и после небольших доработок подрядчиком мост был сдан в эксплуатацию.¹⁸⁸

Обращают на себя внимание довольно солидные и в то же время необычные габариты этого сооружения: без малого 64 метра в длину, 43 с лишним метра в ширину. Суть в том, что мостом его можно назвать условно. Сооружение фактически служило паллиативом нивелирования данной территории: перемещение потребной массы грунта было бы значительно затратнее. Тем не менее к нему частично пришлось прибегнуть, ибо «мост» не охватывал все пространство, которое подлежало нивелированию. По этой причине был заключен контракт с одесским купцом Симоном Стифелем «о насыпке моста по Дерибасовой улице». Куратором выступал адъютант Ришелье граф Рошешуар.¹⁸⁹ Катастрофическая чумная эпидемия остановила производство работ, которые продолжились в 1813-1814 годах.¹⁹⁰

Что касается коллектора, то еще перед своим отъездом в Вену герцог Ришелье предложил «сделать на Александровской площади трубу для стока воды; причину предписания сего суть ежегодные издержки казны на исправление моста на Дерибасовой улице, всегда водою повреждаемого, и неудачность в проезде». 4 февраля 1815 года Фраполли представил план, смету, а подряд исполнял строитель моста Бриндза¹⁹¹. Работа была окончена в октябре¹⁹², и это сильно облегчило жизнь владельцам недвижимости и содержателям торговых заведений по площади.

Городской сад

Продолжение

Но это отдельный сюжет, а мы вернемся к истории Городского сада. После кончины Савоини он курировался высокопрофессиональным «садовым мастером» Гансом Германом, городским садовником, имевшим уже более широкие полномочия в сфере озеленения.

Его командировали в Одессу, в распоряжение Строительного комитета, из Санкт-Петербурга 12 января 1812 г. по заявке герцога де Ришелье. Главная задача Германа заключалась в устройстве тут собственной городской плантации для ращения различных деревьев и кустарников, которые бы затем использовались в озеленении города. В журнале заседаний ОСК от 3 июня 1812 г. определено отпустить садовнику Гансу Герману, условившемуся с Комитетом «сделать в городе Одессе разные плантации», 500 рублей из портовой суммы.¹⁹³ 4 июля 1812 г. ему назначили жалованье 1.200 рублей в год. Сверх того Герман имел право на получение квартирных денег, дрова и свечи, на что ему уже отпустили из Комитета 500 рублей. На этот раз ему выдали еще 200 рублей в счет жалованья, которое далее отпускали по третям года, как и всем чиновникам.¹⁹⁴ 15 июля ОСК определил финансировать Герману содержание ученика из детей немецких колонистов (220 рублей 50 копеек в год), приступившего к своим занятиям 26 мая.¹⁹⁵ 8 августа 1812 г. ОСК постановил отвести садовнику Гансу Герману место, где удобно будет, под школу, оранжереи, парники, мерою 266 на 50 саженей.¹⁹⁶

Устройство плантации затормозилось по причине чумной эпидемии, однако в следующем году продолжилось. Конечный итог устройства городской плантации отлично виден на планах города разных лет.¹⁹⁷ *Городская плантация* охватывала значительный участок за Старопортофранковской улицей, меж нынешними улицами Градоначальницкой и Пишоновской, включая территории нынешней Морской и Строительной академий, до самых отрогов Водяной балки (то есть правее Градоначальницкой, если следовать из города). То есть во время пребывания Пушкина в Одессе тут находился молодой, десятилетний, но весьма обширный сад.

С конца 1813-го и далее фиксируются многочисленные счета Германа по расходам на содержание и усовершенствование Городского сада. Здесь и покупка садового инвентаря, и ремонт калитки, и жалованье сторожу,¹⁹⁸ и реконструкция находившегося в саду служебного помещения,¹⁹⁹ прежде относившегося к дому де Рибаса. Но самое, пожалуй, любопытное – это информация о поливке в 1814-м «вновь посаженных акаций».²⁰⁰ Таким

образом, мы наверняка знаем, что помимо первичных деревьев, возможно, отчасти плодовых, в Городском саду массово высаживались (1806-1814) тополя и акации. Поэтому можно довольно точно представлять, каким этот сад виделся в 1823-1824 гг. Граф *М.Д. Бутурлин* пишет о том, что пирамидальные тополя в ту пору были почти единственной растительностью в одесских городских садах и тополя же окаймляли улицы.²⁰¹

Говоря о Городском саде, невозможно обойти вниманием его, скажем так, эпицентр – так называемую *Городскую кофейню*. Этот сюжет мною уже подробно представлен в книге «Автографы Одессы»,²⁰² однако и здесь более чем уместен. Она была устроена еще в бытность в Одессе герцога Ришелье его земляком Элиасом (Ильей) де Фуа. Французский предприниматель построил на свой счет деревянное сооружение с погребом, специальной печью для приготовления кофе и, по всему видно, сдавал его в аренду купчихе Марии Негри. Эту услужливую итальянку Марью, похоже, и поминает И.М. Долгоруков, неоднократно посетивший Одессу в 1810-х годах: «Для публичных прогулок летом разведен сад внутри города. В нем итальянка Марья готовит славное мороженое, и мы туда хаживали часто дарить ее своим мелким серебром. По воскресеньям жители города съезжаются сюда гулять и видятся между собою (...) Марья так добра, так услужлива! Она мастерица делать макароны и пуленту (polenta, аналог мамалыги. – **О. Г.**) итальянскую. Я в один вечер заказал оба эти блюда, и в приятельской беседе любезного Сен-При, с его и моим семейством, насладились римской сей трапезой».²⁰³ 10 апреля 1818 года будущий штатный типограф (1818-1821), а затем производитель работ ОСК Лука (Лучиано) Бертини заключил с властями пятилетний контракт на содержание беседки-кофейни.

Здесь надо пояснить, почему это стало возможным. Дело в том, что сказанный де Фуа в Одессе отсутствовал, очевидно, препоручив надзор за ней арендатору. Строительный комитет же справедливо усмотрел в создавшейся ситуации тот казус, что частная постройка находится на казенной земле. Наделенный большими полномочиями де Ришелье как бы прикрывал эту неувязку собственными представлениями о целесообразности, но теперь Комитету приходилось следовать букве закона. А потому строение

оценили, и соответствующая сумма хранилась до востребования лично де Фуа. Последний, впрочем, пытался оспаривать решение Комитета, обратившись по инстанции через влиятельного И.Н. Инзова. Тем не менее сделать уже ничего было нельзя, и тогда заключили контракт с Бертини, из расчета по 500 рублей в год, а тот починил, расширил, выкрасил беседку, сделал крышу, вырыл ледник, приобрел ширмы, палатки, навесы и многое другое.

А далее дело было так. Бертини, вероятно, не получил ожидаемой прибыли в первый теплый сезон, тем более, в саду торговали вразнос, опосредованно составляя ему конкуренцию. Вместе с тем перечень официально дозволенных к реализации в кофейных домах блюд и напитков был строго ограничен: мороженое, лимонад, соки, кофе, шоколад, ликеры, фрукты, варенье, кондитерские изделия. Нарушение правил торговли сурово каралось. Все это четко оговаривалось специальным высочайше утвержденным положением «О гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях во всех губернских, портовых и уездных городах». Публика на уровне была не так уж многочисленна. Поэтому и зарабатывалось нелегко.

В ноябре Бертини занялся типографией и с тех пор (возможно, и ранее) отдавал «кофейный дом» в субаренду. Весной 1821 года, когда он рассчитывался по типографии и переходил на должность комиссара ОСК, Бертини решил как бы переоформить контракт по кофейне. Ссылаясь на конкуренцию, просил засчитать ему деньги, потраченные на ремонт сооружения, в счет аренды за первый год, но получил от ворот поворот. Действительно, согласно договору, город препятствовал бы устройству любого другого кофейного дома в Казенном саду, но о торговле фруктами вразнос ничего сказано не было. Кроме того, было указано на то, что «он отдавал внаем беседку другим лицам, брал 500, 800 руб. и более».

Вскоре упоминавшаяся итальянка Марья – одесская 3-й гильдии купчиха Мария Негри – просила Комитет предоставить ей беседку в аренду на три летних месяца за 200 рублей. Однако это никак не могло устроить город. Бертини, каковой в то время занимался на свой счет ремонтом примыкавшего к саду казенного здания, бывшего дома Феликса де Рибаса, уже внес 250 рублей контрактных денег за полугодие. В этих условиях оставалось

лишь назначить торги на содержание кофейни, и если бы новый соискатель предложил более выгодные условия, никаких препятствий в аренде ему не было бы. Но на торги явилась одна лишь Негри, с прежним своим предложением. В итоге контракт остался за Бертини. Отметим здесь, что Мария – очевидно, супруга Цезаря (Чезаре) Негри, антрепренера Городского театра в 1824-1825 годах, причем антреприза эта провалилась. На рубеже 1823-1824 годов она владела двумя довольно приличными доходными домами, причем именовалась в это время уже не купчихой, а дворянкой.

Лишь весной 1822 года эпопея с кофейней более или менее полюбовно развязалась. Новым арендатором стал известный швейцарский кондитер Катани, впоследствии работавший в паре с другим популярным кондитером-швейцарцем, Келем. Из архивного акта приемки (орфография оригинала) видно, что конкретно представляло собой первое элитарное заведение подобного рода в Одессе: «По описи при приеме сей беседки в ведомство Комитета значится: беседка, выстроенная из шелевок (досок. – О. Г.) и покрытая оными о двадцати колоннах, с полом из досок и потолком из шелеванок, окрашенная внутри и снаружи разными красками; в длину же и ширину сия постройка по $7\frac{1}{2}$ сажень, при ней маленький погреб и разваленная печка для варения кофию, обставленные и покрытые шелевками без полов и потолков, а только окрашенные. (...) С иностранцем Катани заключено обязательство о содержании им сей беседки, который дал расписку, что им приняты от Бертини в исправности новые полотна, принадлежащие к беседке Городского публичного сада, именно: палатку в сто сорок аршин парусины. Одну большую и пять маленьких ширм из парусины, все с принадлежащими к ним кольцами, шнурами, кольями и прочим». Сведя все счета по типографии и беседке, Бертини выплатили разницу в 1.700 рублей.

Итак, мы знаем об этом заведении практически все: представляем внешний облик, устройство, меню, мы точно знаем, что, согласно контракту, заключенному 22 февраля 1822 года на пять лет, в 1823-1824 годах Городскую кофейню содержал итальянец Катани²⁰⁴, который и в начале 1830-х содержал «шоколадную фабрику» на пару с Келем²⁰⁵, они же «давали вокзал»

Старые деревья в Городском саду, ныне утрачены

в Городском саду²⁰⁶. Вот каким было это «особое социальное место» при Пушкине.

И еще. Можно с немалой долей уверенности говорить о том, где Поэт покупал шоколад, о каковой покупке есть даже дневниковая запись меж 1 и 3 ноября 1823 года.²⁰⁷ Вариантов не так-то много: либо у Катани, либо у Германа Келя, который в том же году содержал кофейню и кондитерскую лавку в доме графини Ржевуской (об этом доме надобен бы особый разговор), на углу Греческой и Ришельевской улиц²⁰⁸, либо в помещавшейся в том же доме кафе-кондитерской иностранца Флорио и Компании. Всего в первой части города было 17 кофеен, в том числе два кафе-кондитерских. Помимо Флорио такое содержал австрийский подданный Николай Стаматопуло²⁰⁹, но эти заведения не были элитарными, как и упоминаемая мемуаристами кофейня Пфейфера.

«Все мы как бы обязательно ходили пить шоколад и кофе в невзрачную, окрашенную белую клеевую краскою, кофейную Пфейфера на Дерibasовской, – вспоминает Болеслав Маркевич, –

с единственным в ней убогеньким прилавком, на котором стояли скромные тарелки с бисквитами, леденцами и обсахаренным миндалем, – ходили из-за благоговейного чувства к дыре в мягком камне, из которого строятся дома в Одессе, пробитой в одной из стен этой кофейни оконечностью железной палки, которую носил постоянно с собою Пушкин, приходивший сюда почти каждый день. «Sein Taschen Kaffe trinken», как горделиво пояснял нам старый немец-хозяин, тщательно оберегавший неприкосновенность этого увечья своей стены как несомненно плодоприносящую выгодам его реликвию».²¹⁰

Сказанная *кофейня Г. Пфейфера* действительно фиксируется справочниками 1830-1840-х годов на Дерибасовской улице в доме небезызвестного П.Я. Марини²¹¹, на месте которого построена гостиница «Большая Московская». Однако пока не располагаю архивными материалами, четко подтверждающими ее функционирование в первой половине 1820-х. Впрочем, Пфейфер (Pfeiffer) в то время вполне мог быть не содержателем, а наемным кондитером, «сидельцем». Во всяком случае, трудно отрицать факт его знакомства с Пушкиным, поскольку Болеслав Маркевич описывает времена, когда немало живых свидетелей могло бы опровергнуть претенциозные заявления Пфейфера.

Улица Гаванная

Нельзя обойти вниманием и значимые частные дома и постройки, примыкавшие к Городскому саду со стороны нынешней улицы Гаванной. Справа, к Дерибасовской, располагался *второй ранний дом де Рибаса* в этом квартале, который сам же Феликс и достраивал после продажи «в казну». Двухэтажное здание со службами принадлежало министерству финансов, сперва в нем помещалась учрежденная Ришелье так называемая Променная банковская контора, но в пушкинское время это учреждение переместилось в дом, купленный у испанского консула де Кастильо на Почтовой улице²¹², а это здание занималось частью чиновников штата генерал-губернатора графа М.С. Воронцова. В заседании ОСК от 4 декабря 1824-го отмечено, что ворота во двор этого

дома ветхи, сгнили, и нуждаются в замене.²¹³ Трудно предположить, что Пушкин сюда не заходил.

Первым по левую руку, если выходить из Городского сада на Гаванную, на местах № 696 и 697 (ныне ул. Гаванная, № 6), был приличный дом со службами, обращенный фасадом к улице и выстроенный к маю 1812 года (на базе более ранних построек) елисаветградским первой гильдии купцом *Савином Голиковым* и тут же на корню купленный упоминавшимся купцом *Фундуклеем* для упоминавшегося же купца *Кошелева*.²¹⁴ В чем тут, как нынче говорят, фишка? Елисаветградские купцы были довольно влиятельными в юной Одессе, многие занимались питейным откупом – Клёнов, Голиков, Гладков, Замятин, Бабарыкин, Рогалёв, Фундуклей. При этом все они – крупные муниципальные деятели обоих городов, а Савин Голиков, Аким Рогалев и Иван Фундуклей в разное время избирались городскими головами Елисаветграда – соответственно в 1800-м, 1815-м и 1818-м.²¹⁵ 13 августа 1814 года этот дом, оцененный в 10.500 рублей, Кошелев в числе другого имущества просил принять в залог от содержателей винного откупа.²¹⁶

Следующие строения по ул. Гаванной влево – ныне там здание Одесского историко-краеведческого музея – в интересующее нас время принадлежали титулярному советнику Захарии Прокофьевичу *Леонтовичу*, много лет прослужившему в Одесской карантинной конторе, где начинал с нижайшего чина коллежского регистратора. Был он, очевидно, человеком сведущим, надежным и, как помним, представлял интересы статского советника Бейна по делам недвижимости. До нас дошли сведения о его приватной жизни, но что гораздо интереснее – информация о найме дома Леонтовича для проживания премьер-итальянской оперной труппы пушкинской поры *Бартоллуччи*. Места Леонтовича – № 698 и 699 в LXV квартале (ныне – Гаванная, № 4 и 2), 5 июня 1802 года были отведены упоминаемому выше коллежскому асессору Константину Андрияшу, который застроился на более выгодных тогда участках, а эти 17 января 1803-го уступил карантинному комиссару при пакгаузах титулярному советнику Кириллу Федоровичу Педченкову. В свою очередь, Педченков 5 мая 1804 года уступил места Леонтовичу, который

и застроился.²¹⁷ Небольшие постройки на обоих местах здесь фиксируются планом Ф. Фраполли 1807 года. Из городского плана 1814-го следует, что эти незначительные строения заменены солидным домом П-образной формы, фасадом к улице, на месте № 698, а № 699 – пустопорожный.

Из более широкого круга архивных источников однозначно следует: Леонтович оставил за собой и застроил лишь № 698, а № 699, что называется, пошел по рукам. В перечне соискателей и временных владельцев: помещик Ян Янковский²¹⁸, херсонский купец, представитель известной фамилии Луиджи Альбрант, комиссионер 8 класса (фигурирует и как смотритель Одесского военного госпиталя) Бенкин (Бенкен)²¹⁹, супруга коллежского регистратора Христина Николаевна Кушковская и майор Рачковский²²⁰. Наконец, 13 декабря 1815-го это место получил Феликс де Рибас, который и застроился успешно, о чем мы поговорим чуть ниже. А пока вернемся к Леонтовичу.

14 мая 1823 года *содержатель Городского театра Бонаволио* «просил словесно в присутствии Комитета удовлетворить его 1.200 рублей, употребленных на квартиру для актрисы девицы *Ариги*». 13 ноября 1821-го он подал прошение Ланжерону, что хотя по второму пункту контракта должен нанять квартиры для всех актеров, но ему отведен дом только для него, где все актеры поместиться не могли, и другой дом – для русской труппы. «Таким образом, *девица Ариги, г-жа Рикарди, Бартоллучи. Риески* с женою, *Гуельмини, г-жа Ро* и портной помещены с их приезда за 2.800 рублей по 5-е число октября. Теперь он нанял дом г. Черновой за 3.300 рублей в год, где поместятся *г-жа Каталани, г. Гуельмини, г. Риески с женою, г-жа Ро* и портной. По окончании термина годового прежде нанятого дому поместятся тут *г. и г-жа Рикарди и Бартоллучи*. Так что уже других квартир не нужно, кроме девицы *Ариги*». В журнале заседаний ОСК от 28 ноября по этому прошению утверждает 3.300 рублей.²²¹ 17 мая 1823 года Бонаволио докладывает Комитету о контракте найма квартиры для актера Бартоллучи с 15 сентября 1822-го по 15 сентября 1823-го за 600 рублей в доме титулярного советника *Леонтовича*. Для других актеров нанят дом полковницы *Черновой* за 2.800 рублей.²²² Дому Черновой мы посвятили от-

дельный раздел книги. О «пушкинской труппе» и театральных знакомствах Поэта тоже еще поговорим.

Дом Леонтовича был построен по плану, что засвидетельствовано Боффо, реконструирован после пожара дворовых флигелей в 1818 году, оценен в 16.000 рублей, приносил доход от аренды.²²³ Впрочем, у хозяина возник конфликт с дочерью от первого брака, поскольку наследницей становилась вторая жена Леонтовича, Анна, дочь умершего титулярного советника Островского. Однако соседи-домовладельцы свидетельствовали в поддержку супругов, и больше претензий к наследнице не было.²²⁴ Леонтович скончался 22 апреля 1824 года от чахотки в возрасте 50 лет.²²⁵ Вдова осталась наедине с проблемами: в доме текла крыша, и она рисковала лишиться нового арендатора, одесского купца Ивана Квеквича, 8 октября 1824 года просила ОСК дозволения перекрыть кровлю дранью, однако получила отказ²²⁶. Суть в том, что в тот период дома в центре разрешалось перекрывать нано только железом или черепицей, чтобы город выглядел краше. Как вдова справилась с ситуацией, к сожалению, не знаю, а потому переживаю.

Теперь – о *недвижимости де Рибаса*, что на участке № 699. Тут был первый из двух домов, построенных им после вынужденной продажи прежних в 1806-1807 годах. Этот одноэтажный дом по адресу Малый (Маяковского) переулок, № 1, сохранился, и атрибутирован В.А. Чарнецким, как и другой, почти синхронный, по улице Гаванной, № 1²²⁷, находящийся практически напротив. Согласно определению Строительного комитета, первый из них должен был быть окончен строением не позднее 13 декабря 1816-го. Что касается второго, то связанный с ним сюжет мною уже изложен в другом издании.²²⁸ Место, на котором он был построен, и находивший тут старый магазин (амбар), де Рибасу уступила вдова покойного архитектора Ф. Фраполли. Поскольку решением ОСК 1818 года по центральным улицам не дозволялось строить здания менее чем в два этажа, де Рибас и возвел тут не слишком большой, но двухэтажный дом. Прошение о выдаче ему владельческих документов последовало 25 февраля 1819-го, а 10 марта, после выяснения всех обстоятельств, вопрос был решен.²²⁹

Вероятно, Пушкин бывал в обоих домах де Рибаса, однако о посещениях двухэтажного мы знаем наверняка.²³⁰ Здесь квартировали Давыдовы, Раевский, Бутурлин, аббат Буавен, которых навещал Поэт. Меж этими домами де Рибаса пролегал довольно крутой спуск к морю, Военная балка. Отсюда Пушкин направлялся к так называемому Купальному берегу, но этой теме мы посвятили отдельный раздел. А сейчас вернемся по нечетной стороне Гаванной к Ланжероновской и Дерибасовской улицам.

Мимоходом отмечу, что двухэтажный дом де Рибаса по Гаванной украшен неформальным памятным знаком, установленным неофициально самими одесситами. А вот архаичная одноэтажка по Малому переулку, где много лет функционирует любимое одесситами кафе «Зося» – легендарная тусовка творческих людей, – непременно будет снабжена памятным знаком в рамках очередного проекта международного поэтического фестиваля «Пушкинская осень в Одессе».

Купальный берег

Дома Дембровского (Ланжерона) и Попандопуло

Первый из них располагался на углу Ланжероновской (№ 21, сохранился), а другой примыкал к нему со стороны Дерibasовской (№ 20, не сохранился). Целесообразнее начинать изучение эволюции этой недвижимости как раз со второй позиции как территории, освоенной в первую очередь. Сюжет в общих чертах мною уже описан в одной из предыдущих книг.²³¹

Владелица домостроений и участка, Александра Афанасьевна Попандопуло (Попандополо) – дочь известного одесского попечителя поселенцев, выходцев из Средиземноморья, магистратского бургомистра Афанасия Васильевича Кесоглу и его жены Кассандры Ивановны, супруга генерал-майора Э.Г. Попандопуло, благотворительница. Родилась в Константинополе (1784) в семье фанариотов, которая, как и ряд других здешних греческих семейств, переехала в Россию. Ее муж Эммануил Григорьевич Попандопуло – участник штурма Очакова, сражения под Каушанами, отчаянный храбрец и вместе с тем грамотный, расчетливый военачальник, герой средиземноморских походов российского флота, шеф Колыванского мушкетерского полка (1806), георгиевский кавалер (1807), погиб под Шумлой в 1810 году.

Из архивных документов видно, что участок под застройку на углу будущих улиц Дерibasовской и Гаванной отведен главе семейства Попандопуло Одесским городским магистратом 20 августа 1802 года.²³² Это место, ныне занимаемое «хрущобой», где много лет находился большой, в советских традициях овощной магазин, а ныне – «Стейк-хаус». Сохранившийся в частной коллекции М.Б. Пойзнера старый снимок, как и другие фотоматериалы, запечатлели патриархальный одноэтажный дом – впрочем, довольно солидный, на цоколе, в котором по обыкновению устроили мощные подвалы на сводах. Нынешнее здание построено в 1959-1962 годах на месте упомянутого старого дома. Изначально интересующее нас место, примыкавшее к балке и менее удобное, не застраивалось и, как мы уже говорили, было отведено Городским магистратом Эммануилу Григорьевичу Попандопуло, тогда еще полковнику, 20 августа 1802 года. Дом фигурирует

в архивных документах как построенный, по крайней мере в 1805-м, но явно возведен ранее, вероятно, уже в 1803-м. Фигура владельца довольно примечательна и превосходно характеризует рельефный тип первопоселенца.

Как многие подростки из благородных греческих семейств в екатерининские времена, он с осени 1775 года воспитывался в столичной Греческой гимназии при Инженерно-артиллерийском шляхетском корпусе (с 1779 года здесь обучали и военным наукам), и в 1781 году был выпущен прапорщиком. В 1788 году Попандопуло участвовал в штурме Очакова, а затем и в других сражениях той русско-турецкой кампании, за отличие в битве при Каушанах был переведен в генштаб, сопровождал российское посольство в Стамбул. Молодой офицер сочетал в себе качества чрезвычайно важные и редко совместимые в одной особе: отчаянную храбрость, предприимчивость, изобретательность, организаторские способности, великолепную эрудицию, включая знание многих языков. Все эти таланты сполна проявились в пору средиземноморских экспедиций российского флота под началом адмирала Д.Н. Сенявина.

В 1803 году полковник Попандопуло сформировал отряд военнслужащих из штата одного провинциального гарнизона, включающий пехотный батальон и артиллерийскую команду с 12-ю орудиями. В 1804-м высадился на остров Корфу, где занялся организацией регулярной армии Ионической республики, то есть республики одноименных (семи) островов. В это же время произведен в генерал-майоры, а в следующем году подготовленный им греческий легион присоединился к флоту Сенявина и отправился в Неаполь. В 1806-м он командовал русскими войсками в области Бокка-ди-Каттаро, в Далмации, 19 сентября после семичасового боя потеснил французов и занял Капель-Нуово. Вскоре генерал Попандопуло был назначен шефом Кольванского мушкетерского полка и, приняв командование над ним и всеми греческими войсками, удачно противодействовал памятного нам по знаменитому роману Дюма «Граф Монте-Кристо» союзнику Франции, паше Али из Янины. В 1807 году в крепости Парча, откуда, к слову, вышло немало поселившихся

Одноэтажный дом генеральши Попандопуло на углу Дерибасовской и Гаванной улиц

в Одессе греческих семейств (Парчовы), генерал сформировал еще три легиона, организовал оборону острова Санто-Мавро, на который покушался означенный паша.

После заключения мирного договора в Тильзите Попандопуло со всеми подчиненными ему войсками вернулся в Россию через Италию и Австрию. В те годы бывал в Одессе не так часто и долго, как ему хотелось бы, не имел возможности непосредственно заниматься домостроительством, радоваться общению с молодой супругой и дочерьми. Впрочем, семья в ту пору жила безбедно, владела крепостными дворовыми людьми. Навестив родных, генерал тут же снова был призван на поле брани – шла очередная русско-турецкая война. В составе Молдавской армии, под началом графа Н.М. Каменского, Эммануил Григорьевич еще успел отличиться в нескольких боях и, наконец, героически погиб под Шумлой 11 июня 1810 года. Было ли доставлено для погребения в Одессу его тело, мы не знаем, хотя подобные примеры нередки. Сохранилась достоверная информация о другом: все находившиеся

при нем семейные деловые бумаги, в том числе документы на одесскую недвижимость, были тогда утрачены, и вдове пришлось их восстанавливать.

Кто знает, возможно, столь разносторонне одаренный человек с широким кругозором вел дневник, а личную переписку, как и все представители его круга, хранил наверняка. Вспомним, например, о том, что в той же армии воевал граф М.С. Воронцов и множество других интереснейших исторических персонажей, с которыми Попандопуло тесно общался. Утрата личного архива серьезно осложняет воссоздание портрета живого человека: от блистательной его карьеры осталось нечто вроде формальной анкеты, за которой лишь пунктирно проявляются очертания выдающегося военачальника, администратора, дипломата.

Когда в 1856 году «генеральша Попандопуло» пожелала подарить часть примыкающей к ее дому земли сопредельному *Ришельевскому лицу*, из-за утраты первичных владельческих документов возникли бюрократические затруднения, впрочем, разрешенные.²³³

Выдающимися благотворительницами были и дочери Александры Афанасьевны. Мария Эммануиловна – выпускница столичного Екатерининского института (1823), с первых месяцев 1844 года активнейшая сотрудница Одесского женского благотворительного общества, а с 1845-го член его правления. После кончины Марии (1873) в Одессе даже была издана отдельная брошюра, отразившая ее подвижническую деятельность. Клеопатра Эммануиловна, в замужестве Энно, также отличилась в движении милосердия. Ее супруг Виктор Карлович – авторитетный врач, химик, думец, благотворитель, первый бельгийский консул в Одессе.

Еще одна дочь генерала, Анна Эммануиловна, 11 ноября 1801 года обвенчалась с видным фигурантом ранней истории города – майором Одесского греческого пехотного батальона (1795-1797) Андреем Спиридоновичем Бугой (1744-1829), владельцем одного из самых лучших домостроений, благотворителем. Показательно, что поручителем в ходе бракосочетания выступал одесский городской голова Иван Иванович Кафажи. Будучи уже подпол-

ковником в отставке, Буга выступал ходатаем от Городского магистрата перед императором Павлом о даровании Одессе привилегий по образцу Риги и Ревеля (1800).

Сестра Александры Афанасьевны, Мария (1788 г. р.), вышла замуж за херсонского, затем одесского полицмейстера, а далее председателя Одесского коммерческого суда Николая Гавриловича Дембровского, который построил очень заметный по тем временам двухэтажный дом (1821-1823) в том же квартале, со стороны Ланжероновской улицы на местах, по-родственному уступленных А.А. Попандопуло, и вскоре (1825) перешедший во владение графа А.Ф. Ланжерона. В первой половине 1824-го этот дом оценивался в 65.000 рублей, то есть был одним из самых дорогих в Одессе. Дочь Дембровских Наталья вышла замуж за известного генерал-майора Фому Петровича Лузанова (1787-1871), другая дочь – Екатерина – опекалась семейством Энно. Сын Н.Г. Дембровского Михаил Николаевич (1819-1891) – генерал-майор, состоявший по особым поручениям при новороссийском генерал-губернаторе, затем – при командующем Одесским военным округом.

История постройки солидного двухэтажного дома Дембровского довольно отчетливо прослеживается по архивным документам, но вызывает ряд каверзных вопросов, связанных с обстоятельствами, скажем так, специфического финансирования этого проекта и поспешного перехода данной недвижимости во владение графа Ланжерона. Относительно перехода самого участка от Попандопуло к ее родственнику Дембровскому неясностей нет: ОСК принуждал генеральшу к застройке этого пустопорожнего места, а материальных возможностей у нее не было. 26 мая 1821 года по ее собственной просьбе Комитет распорядился «находящуюся на оном (месте. – **О. Г.**) часть строения с оградой оценить, и ей заплатить», а определением от 21 июня отдал это место под застройку просителю – коллежскому советнику Николаю Дембровскому.²³⁴

И вот тут невольно бросаются в глаза любопытные коллизии. Все, в принципе, как бы на общих основаниях, по существующим правилам, определен стандартный двухлетний срок застройки, решение утверждено градоначальником Н.Я. Трегубовым.²³⁵

Однако тут мы узнаем о факте поистине вопиющем, невиданном: Дембровский получает на сооружение этого дома огромную сумму – 25.000 рублей²³⁶, причем из добровольных пожертвований на сооружение храмов в предместьях²³⁷. И суть даже не в том, из каких средств выдана сумма – в конце концов, если строительство храмов буксовало, то имеющийся капитал как раз выгодно было ссужать под проценты, – а в том, что такой колоссальной суммы город и близко никогда никому не ссужал. Я не великий конспиролог, но с учетом общественного положения Дембровского, его семейных и социальных связей, тут все же просматривается некая затейливая финансовая комбинация. Впрочем, это мое личное впечатление.

Но пойдём дальше. 5 июня 1821 года Строительный комитет утвердил план на построение дома Дембровского.²³⁸ И что снова показательное, ОСК помогал застройщику стройматериалами.²³⁹ Дембровский в два года не уложился, дом окончен в марте 1824-го, а ровно через год приобретен Ланжероном.²⁴⁰ В том же 1824-м оценочная стоимость этой недвижимости составляла 65.000 рублей²⁴¹ – одна из самых высоких в городе. Я не любитель считать чужие деньги, но, воленс-ноленс, интересуюсь, откуда она сумма могла взяться у графа Ланжерона, человека далеко не состоятельного. Вопрос, понятно, риторический.

Бывал ли Пушкин в домах Дембровского и Попандопуло, мы не знаем. Во всяком случае, это не исключено. Но то, что часто проходил рядом и наблюдал строительство первого, – это точно. На некоторые размышления наводит следующий фрагмент записок графа М.Д. Бутурлина: «Был также и второстепенный кружок чиновничьего и неаристократического состава, собиравшийся у жившего открытым домом грека г. Попандопуло, с которым я не был знаком, но слышал, что там весело проводили время».²⁴² Совершенно очевидно, что тут говорится как раз о салоне генеральши Попандопуло, где собирались чиновники и коммерсанты. Поскольку граф там лично не бывал, знал обо всем лишь понаслышке, а дом называли просто домом Попандопуло, Бутурлин много лет спустя по-своему интерпретирует эти сообщения.

Дом Петрулина

Для полноты картины, отражающей историю ранней застройки квартала по улице Гаванной, меж Ланжероновской и Дерибасовской, прибавим следующее. Первыми построились Попандопуло, владевшие угловым местом по Дерибасовской, № 20 (Гаванная, № 13). За ними – губернский секретарь *Василий Васильевич Петрулин*, сперва служивший адъютантом герцога Ришелье, а с 1819-го по 1823-й в чине коллежского советника состоял херсонским вице-губернатором и председателем Херсонской казенной палаты; 26 мая 1820-го получил орден Св. Владимира 3-й степени; в 1823-м или в начале 1824-го переведен на должность вице-губернатора в Кишинев; председательствовал в Казенной экономической экспедиции областного правительства Бессарабии, где проявил себя с самой лучшей стороны; при всей слабости здоровья отличался чрезвычайной добросовестностью и трудолюбием; умер 6 ноября 1824 года. Дом Петрулина занимал часть пятна застройки нынешним домом № 9 по Гаванной. Меж ними, в пределах дома № 11, к 7 ноября 1805 года «произвел строения» иностранный негодант *Martin Srkrochowski*.²⁴³ Из этого следует, что сказанная недвижимость Петрулина, *Srkrochowski* и пустопорожнее место за ними, на углу Гаванной и Ланжероновской, позднее перешли во владение семейства Попандопуло. По крайней мере, трудно представить себе иное развитие сценария.

Ришельевский лицей

Напротив Гаванной, или Гаваньской, улицы лежала Александровская площадь, а за ней одноименный проспект – в ту пору одна из главных торговых магистралей Одессы. Этой теме мы посвятим отдельный раздел, а пока перейдем к соседствующим с домом Попандопуло по Дерибасовской строениям и местам Ришельевского лицея.

Прообразом лицея была Коммерческая гимназия, о которой заинтересованному читателю кое-что известно: этот сюжет издавна привлекал внимание исследователей.²⁴⁴ Тем не менее

Ришельевский лицей со стороны Екатерининской улицы. 1830-е гг.

у меня есть возможность поделиться довольно любопытной информацией о суровых обстоятельствах и солидных расходах, приведших к формированию этого учебного заведения.

Ришелье предоставил нарождающейся гимназии самое лучшее из существовавших в тот период казенных зданий, так называемый «дом главного военного начальника», то есть бывший дом Иосифа де Рибаса.²⁴⁵ Строения располагались в виде трех больших флигелей, один – по будущей Екатерининской улице, меж Дерибасовской и Ланжероновской, два других, угольной формы, примыкали к последним из названных улиц. В плане застройка представляла собой прямоугольник, к которому примыкал большой сад. Это видно из высочайше утвержденного генплана Одессы 1802-1803 годов, составленного под началом военного инженера Ферстера, и плана архитектора Фраполли 1807 года.²⁴⁶

Разумеется, выделенные под гимназию строения надлежало отремонтировать и переоборудовать. Работы развернулись с ранней весны 1805-го. 2 марта «из лавки купца Андросова в починающийся дом для гимназии» доставлено 18 медных замков по 4 рубля, 18 пар медных задвижек по 1 рубль 40 копеек. У других лиц для гимназии приобретен огнеупорный кирпич и сосновые доски. В апреле такого рода закупки продолжают.²⁴⁷ Опосредо-

ванно это свидетельствует о наличии в этом комплексе строений по крайней мере около двух десятков помещений.

19 и 30 июня директору Вольсею дважды выдали по 500 рублей «для некоторых переделок в доме гимназии». ²⁴⁸ 22 июня у купца Авчинникова приобрели 100 досок в три сажени по 1 руб. 25 коп., всего на 125 руб. «к дому гимназии для обшивки колокольни», а затем и бревен для той же колокольни. ²⁴⁹ Вероятно, речь идет об устройстве домово́й церкви. Однако колокольня могла исполнять и функцию оповещения о начале и конце занятий.

К несчастью, гимназию постигла катастрофа уже в первый сезон ее существования. В начале 1806-го случился сильный пожар ²⁵⁰, подробности и причины которого до нас не дошли. Герцог Ришелье и не помышлял о том, чтобы оставить свое детище на произвол судьбы, и предпринял самые решительные шаги по его спасению. Можно безо всякой натяжки утверждать, что шаги эти были поистине беспрецедентные. Пользуясь личным расположением монарха, он исходатайствовал колоссальную по тем временам сумму – 50 тысяч рублей. Император Александр Павлович пожаловал их городу 21 апреля того же года, сроком на десятилетие, под символические проценты. ²⁵¹ Чтобы оценить неординарность этого события, напомним: тогда же, в 1806-м, Ришелье с дозволения Александра получил такую же сумму под необременительные проценты для раздачи желающим строиться одесситам. При этом 29 горожан получили под надежные залого 40 тысяч из выделенных 50-ти ²⁵² и постепенно выполнили свои обязательства, тем самым способствуя становлению Одессы. В данном же случае вся огромная сумма отпускалась в одни руки!

Из самого названия архивного дела, на которое мы только что ссылались, «Дело о сумме 50 тыс., высочайше пожалованных заимообразно на построение дома гимназии» – видно, что речь идет уже не только о восстановлении, но и достройке бывшего «дома главного воинского начальника». О некоторых достройках свидетельствует не только реестр отпускаемым гимназии материалам, но и синхронный план города, составленный городским архитектором Франческо Фраполли в 1807 году. Из этого документа отчетливо видно, что два угловых флигеля соединены и достроены со стороны нынешней Дерибасовской улицы. ²⁵³

Справа – бывшие строения Ришельевского лицея. Конец XIX ст.

Показательно, что отпуск дорогих и дефицитных строительных материалов для гимназии осуществлялся параллельно со снабжением приоритетных для города построек, так сказать, казенных объектов первого ряда: Свято-Николаевского соборного храма, Городского госпиталя, Городского театра и оборонительных казарм.²⁵⁴ Из журналов Строительного комитета видно, что и в следующие годы достройки занимаемого гимназией казенного дома продолжались под началом директора Вольсея, которому при увольнении вернули потраченную на это довольно значительную сумму.²⁵⁵ Нечего и говорить об относительно мелких ремонтах и переустройствах.²⁵⁶ Масштабные достройки бывшего «дома главного военного начальника» продолжались и позднее, в конце 1810-х, а окончательное оформление территории завершились после присоединения участка, подаренного генеральшей Попандопуло.

Князь И.М. Долгорукий описывает лицей образца 1810 года: «Он велик, опрятен и хорош; все содержание детей отменно расчитано со стороны пищи, одежды и прислуги. За каждого мальчика платят отдающие его по 500 руб. в год (...) Учителей содержат за дорожную плату, и лучших, каких достать можно».²⁵⁷

Памятный знак А.С. Пушкину на здании Ришельевского лицея

Торжественно открыт 15 сентября 2015-го на бывшем здании Ришельевского лицея, по улице Дерибасовской, № 16. Ришельевский лицей, второй в России после Царскосельского, учрежден в Одессе по высочайшему указу от 2 мая 1817 года на базе функционировавших ранее Благородного института и Коммерческой гимназии. Крупнейший просветительский центр на Юге. Образование здесь было приближено к университетскому, заведение считалось весьма престижным. В числе лицейстов немало представителей аристократии России и зарубежья – Волконские, Сен-При, Четвертинские, Рошфор и др. О лицее чрезвычайно лестно отзывались Зинаида Волконская, Батюшков, Сенковский, в его дортуарах обитал Мицкевич (1825), здесь бывали Жуковский, Вяземский, Полонский, Погодин, Надеждин, Стурдза, Свиньин и т. д.

Посещения Ришельевского лицея Пушкиным зафиксированы академическим изданием «Летописи жизни и творчества» М.А. Цявловского. Источниками служат свидетельства самих лицейстов. Подробно об одном из таких посещений в июле 1824 года рассказал тогдашний лицейст Александр Михайлович Сумароков:²⁵⁸

«...Входит в класс незнакомая особа в странном костюме: в светло-сером фраке, в черных панталонах, с красной феской на голове и с ружейным стволом в руке вместо трости. Я привстал, он мне поклонился и, не говоря ни слова, сел на край ученической парты, стоящей у кафедры. Я смотрел на это с недоумением, но он первый прервал молчание:

– Я когда-то сидел тоже на такой скамье, и это было самое счастливое время в моей жизни.

Потом, обратившись прямо ко мне, спросил:

– Что вы читаете?

– Речь Цицерона, – ответил я.

– Как ваша фамилия?

– Сумароков.

– Славная фамилия! Вы, верно, пишете стихи?

– Нет.

– Читали вы Пушкина?

– Нам запрещено читать его сочинения.

– Видели вы его?

– Нет, я редко выхожу из заведения.

– Желали бы его видеть?

Я простодушно отвечал, что, конечно, желал бы, – о нем много говорят в городе, как мне передали товарищи.

Он усмехнулся и сказал:

– Я – Пушкин, прощайте.

Когда мы шли по длинному коридору, он сказал:

– Однако у вас в Лицее, как я вижу, свободный вход и выход.

– Это по случаю каникул...»

О посещениях Ришельевского лицея Пушкиным сообщает достоверный всяческого доверия Николай Григорьевич Тройницкий, брат члена Государственного совета А.Г. Тройницкого, впоследствии друживший со Львом Сергеевичем Пушкиным и Н.В. Гоголем. В частности, Тройницкий уточняет: «...он (Пушкин) заходил в старшие классы, заходил, между прочим, и в ту классную комнату, которая обращена теперь в пивную в доме Вагнера (прежнее здание лицея) ...». ²⁵⁹ Мемуарист говорит о знаменитой пивной Брунса, которую впоследствии, что символично, посещали Бунин, Куприн и другие знаменитости. Ныне это офис МЧС в дворовом корпусе, соединяющем фасадные строения со стороны Дерибасовской и Ланжероновской улиц.

Информативны и любопытны свидетельства Болеслава Маркевича. ²⁶⁰ Тема «Пушкин и Ришельевский лицей» детально исследуется в целом ряде разновозрастных публикаций о рукописном лицейском журнале «Ареопаг» (1828-1830 гг.), начиная со статьи А.М. де Рибаса. Все говорят о восторженной любви воспитанников Одесского лицея к поэту, буквально о культе Пушкина, уста-

новившемся в среде одесских лицеистов. «Ареопаг» как бы и сделался олицетворением этого культа.

Мемориальный знак на фасаде Ришельевского лицея замыкает часть формируемого международными поэтическими фестивалями «Пушкин в Британии» и «Пушкинская осень в Одессе» пушкинского маршрута меж Клубной гостиницей – основным местом пребывания поэта в 1823-1824 гг. – и ближайшими пушкинскими адресами по ул. Дерибасовской и в районе Соборной площади, где ранее уже открыты мемориальный барельеф и арт-объект. В следующие годы маршрут будет значительно продлен, о чем говорилось выше.

Частные домостроения по нечетной стороне Дерибасовской улицы

Этой темы отчасти касался в одной из предыдущих книг.²⁶¹ Однако издание это популярное, без ссылок на первоисточники, с информационными пробелами. Поэтому есть смысл вернуться к данной проблематике.

Речь идет о кварталах X, IX, VIII Военного форштата, меж Александровской площадью, улицами Екатерининской, Ришельевской и Итальянской. Как четко свидетельствуют архивные материалы – топографические и текстовые, – они отводились под застройку и застраивались в первую очередь. Отводы производились в августе-сентябре 1794-го, с самого основания Одессы, а первые, относительно скромные постройки, стали появляться уже в конце 1790-х. Можно говорить о том, что наряду с «военным городком» это один из первых локальных «центров кристаллизации». Постепенно расширяясь, такие островки преобразовали первичный архипелаг застройки в одесский материк, целостный город.

Разумеется, у этих ранних построек не было шансов на долгожительство: впоследствии их либо совсем разбирали, либо достраивали и перестраивали до полной неузнаваемости. Тем не менее в ходе недавней реконструкции дома – Красный переулок, № 1 (Дерибасовская, № 23) – специалистами зафиксированы первичные кладки, своды, подвалы. В этом отношении примечателен

и смежный дом по переулку, № 3, окончательно оформившийся как раз в интересующее нас время. Он чудом сохранился, и дает хорошее представление о характере застройки центра в 1820-х. Давайте с вами и обратимся к обстоятельствам застройки этого (X-го) квартала, этих участков и отдельных мест как типичных.

Итак, первичная раздача мест в X-м квартале Военного форштата: он почти квадратной формы, обращен фасадами к Дерибасовской, Екатерининской, Греческой улицам и Красному переулку. Перечисляю номера мест и лиц, которым они отведены в 1794-м: № 73 – польскому шляхтичу Богуславскому, № 74 – греку Константину Поликрине, № 75 – кременчугскому купцу Кокушкину, № 76 – греку Ивану Дючи, № 77 – артиллерии подпоручику Горголию, № 78 – купцу Григорию Яхонтовскому, № 79 – поляку Ивану Желтовскому, № 80 – поляку Семену Островскому.²⁶² Итого восемь мест, а должно было быть, как и во всех соседних кварталах, десять. В реестр просто-напросто вкралась канцелярская ошибка: в X квартал вписали восемь номеров, а в XV – 12.²⁶³ Когда хватились, изъяли из XV-го квартала (он расположен напротив X-го, меж улицами Греческой, Екатерининской, Полицейской и Красным переулком) два лишних номера – 129, 130 – и перекинули их в X.

По имеющимся архивным документам можно отчетливо судить, как эти места переходили из рук в руки и кто их застраивал. Так из прошения одесского первой гильдии *купца Москули* от 2 ноября 1805 года и последовавшего решения ОСК от 13 ноября видно: место № 80, отведенное 30 августа 1794-го поляку Семену Островскому, оставалось незастроенным и было передано последним покойному отцу просителя Москули. «Но отец мой, – пишет проситель, – по иностранству своему должного на то место от уступщика, или откель следовало, (документов. – **О. Г.**) не получил. Потому досталось от отца мне, которое застроено, и я, владея оным более десяти лет, никто не вступался (то есть не оспаривал прав. – **О. Г.**), в таком случае оного Комитета прошу, утвердив сие место за мною, выдать на спокойное оным владение открытый лист». Прощение удовлетворили.²⁶⁴ Дом Москули значит в ведомости и как начатый строением в 1805-м.²⁶⁵ Что это может означать? Либо достройку первичного дома, либо капитальную перестройку.

В это самое время греческий выходец Федор Москули (Москули) состоял членом Строительного комитета от купечества. Есть метрическая запись о его бракосочетании с дочерью корабельного мастера Марией Константиновной Миконяти в греческой Свято-Троицкой церкви 6 ноября 1801 года.²⁶⁶ Дом Москули локализуется по улице Дерибасовской, № 21, где ныне торговый центр «Европа».

Из тех же документов следует, что место № 130 изначально отведено артиллерии штык-юнкеру Шостаку.²⁶⁷ Семейство Шостак хорошо известно исследователям ранней истории Одессы. Место отведено *Антону Ильичу Шостаку*, дослужившемуся до поручика артиллерии, вышедшему в отставку и бравшему строительные подряды.²⁶⁸ Однако реально место застроил другой представитель этого рода, штабс-капитан *Григорий Шостак*, и в 1804 году эта недвижимость получила оценку 4.000 рублей²⁶⁹. Для одноэтажного строения по тем временам довольно высокая оценочная стоимость, свидетельствующая о значительной площади застройки, наличии сводчатых подвалов и служб. Соответствует местоположению нынешнего дома по улице Дерибасовской, № 23 (Красный переулок, № 1).

Место № 77, изначально отведенное артиллерии подпоручику Горголи, 30 октября 1798 года передали под застройку подпоручику *Андрею Трано*. Судя по всему, он сперва устроил довольно примитивные постройки, и только к маю 1816-го – плановый дом, на который и получил в ОСК владельческие документы.²⁷⁰ Отставной артиллерии подпоручик Андрей Николаевич Трано умер 18 августа 1831 года в возрасте 87-ми лет, а его супруга Феодосия – 23 июля 1819-го в возрасте 56 лет.²⁷¹ Их дочь Елена 6 ноября 1811 года вступила в брак с одесским купцом Эммануилом Дмитричем.²⁷² В близком родстве с А.Н. Трано состояли одесские купцы Николай и Пасхалий Трано, в 1804-1824 гг. владевшие двумя лавками на Александровской площади, в Бакалейном ряду.²⁷³

77-е место локализуется по адресу Красный переулок, № 3, на котором мы сегодня имеем явно архаичный двухэтажный дом, типичное из приличных частных зданий пушкинского времени. Что мы о нем знаем и как его история согласуется с изложенной выше информацией? Очень хорошо согласуется. 23 августа

1816 года, ровно через месяц после кончины супруги, Трано и одновременно Шостак продали оба места, № 130 и № 77, одесскому первой гильдии купцу *Шаю (Исайе) Левенсону (Левензону)*. Купчая крепость совершена в Херсонской палате гражданского суда. Строения обозначены как «дом с каменными лавками и магазинами». Позднее, в первой половине 1821 года, Левенсон просил Строительный комитет указать ему границы этих двух мест, что и было поручено архитектору А.А. Дигби.²⁷⁴ Таким образом, мы четко представляем, какие именно строения видел здесь Пушкин.

К слову, сохранился перечень недвижимости, принадлежавшей одесскому первой гильдии купцу Шаю Левенсону на 24 мая 1823 года. Помимо комплекса домостроений по Красному переулку и Дерibasовской это еще три других объекта. Во-первых, бывший дом польского помещика Яна Ярошинского по Екатерининской улице, построенный по утвержденному Строительным комитетом плану, ныне здесь дом № 34/36. Далее – бывшие домостроения итальянского негоданта Павла Перозии по Троицкой улице – ныне место застройки четырехэтажным домом № 28. Это здание было построено не по плану, очевидно, на первом этапе существования города. Наконец, еще один дом, построенный «не противно архитектуре», Левенсон приобрел у австрийского негоданта Николая Герасимо. Этот последний получил место под застройку в 1803 году в квартале меж Преображенской, Малой Арнаутской, Мещанской и Большой Арнаутской улицами.²⁷⁵

Примечания

¹⁸² Сын Отчества. 1823, № 2, с. 209, 213.

¹⁸³ С.Я. Боровой. «Путешествие Онегина» и одесская тема в русской литературе первой трети XIX века. – В сб.: Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева. Т. II. – Кишинев: «Штеница», 1961, с. 270-271.

¹⁸⁴ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 64.

¹⁸⁵ Там же, л. 184.

¹⁸⁶ Там же, л. 347 об.

¹⁸⁷ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 48. – 28 л.

¹⁸⁸ Там же, оп. 2, д. 35. – 77 л.

- 189 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 69, 296.
- 190 Там же, д. 266, л. 245-246, 260, 321 об. – 322; Там же, д. 267, л. 28.
- 191 Там же, д. 268, л. 27, 196-197.
- 192 Там же, л. 65, 112, 344 об., 408, 550-551.
- 193 Там же, д. 264, л. 7.
- 194 Там же, л. 149.
- 195 Там же, л. 188.
- 196 Там же, л. 283.
- 197 ОГИКМ, инв. № 563, 605 и др.
- 198 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 423. – Там же, д. 267, л. 158 об. – 159.
- 199 Там же, д. 267, л. 407.
- 200 Там же, д. 267, л. 158 об. – 159.
- 201 Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив, 1897, № 5, с. 12.
- 202 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 28-31.
- 203 И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – М., 1870, с. 153.
- 204 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 119-122, 264-265; Там же, д. 282, л. 387.
- 205 Одесский вестник, 1831, № 8.
- 206 Там же, 1832, № 65.
- 207 Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: 1799-1826. – Ленинград: «Наука», Ленинградское отделение, 1991, с. 371.
- 208 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 9, л. 24-25, 63, 65, 92 об.
- 209 Там же, л. 4-8.
- 210 Б.М. Маркевич. ПСС, Т. XI. – СПб., 1885, с. 370-371.
- 211 Новороссийский календарь на 1837 год, с. 161; То же на 1842 г., с. 273; То же на 1843 г., с. 287 и др.
- 212 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 286 об. – 287.
- 213 Там же, д. 287, л. 476 об. – 477 об.
- 214 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 311, 312, 324, 325.
- 215 Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 475.
- 216 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 44.
- 217 Там же, д. 286, л. 249-257.
- 218 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 4, л. 244-245.
- 219 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 129; Там же, ф. 4, оп. 3, д. 433, л. 98-99.
- 220 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 303.
- 221 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 283, л. 606 об. – 607 об.

- 222 Там же, л. 623 об. – 625 об.
- 223 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, № 122.
- 224 Там же, д. 286, л. 249-257.
- 225 Там же, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 147.
- 226 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 67 об.
- 227 В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье... – Одесса: «Друк», 2001, с. 62-63.
- 228 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 337-338.
- 229 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 1, л. 203 (377), 204 (378), 205 (379).
- 230 В.А. Чарнецкий, там же.
- 231 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 294-299.
- 232 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 268, л. 341-342.
- 233 Там же, ф. 59, оп. 4, д. 378, л. 1, 2, 3, 4.
- 234 Там же, оп. 1, д. 186, л. 429.
- 235 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 672 об.
- 236 Там же, л. 740.
- 237 Там же, д. 283, л. 62-66.
- 238 Там же, д. 9, л. 5 об., № 59.
- 239 Там же, д. 281, л. 118.
- 240 В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье... – Одесса: «Друк», 2001, с. 87.
- 241 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, № 105.
- 242 Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив, 1897, № 5, с. 24.
- 243 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 299.
- 244 К.Н. Смольянинов История Одессы. – Одесса, 1853, с. 151. Тот же автор (с. 139) сообщает о функционировании частного училища коллежского ассессора Врето, с 1 декабря 1800-го по 1 декабря 1803 года. Два учителя преподавали греческий, итальянский языки и другие предметы для 40-70 учащихся.
- 245 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 114; Смольянинов. Указ. соч., с. 38, 61, 90.
- 246 ОГИКМ, инв. № К-600; версия этого же плана сохранилась в копии, сделанной городским землемером Гаэтано Даллакка в 1836 году (инв. № К-609); Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 846, оп. 16, д. 22276, л. 1; ОГИКМ, инв. № К-602.
- 247 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 68.
- 248 Там же, л. 298, 317.
- 249 Там же, л. 301, 303.
- 250 Смольянинов. Указ. соч., с. 151.

- 251 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 16.
- 252 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 20 (1806 г.), л. 5, 163-173; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 211, 241-243, 277, 300 и др.
- 253 ОГИКМ, инв. № К-602.
- 254 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 258.
- 255 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 350, 391.
- 256 Там же, л. 136.
- 257 И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – М., 1870, с. 151.
- 258 Одесский вестник, № 346, 1886.
- 259 Одесский вестник, № 93, 1887.
- 260 Б.М. Маркевич. ПСС, т. XI. – СПб., 1885, с. 368, 370-372, 385, 387 и др.
- 261 Олег Губарь. Старые дома и другие памятные места Одессы. – Одесса: «Печатный дом», 2006, с. 48-87, 134-143.
- 262 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.
- 263 Там же.
- 264 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 294-297.
- 265 Там же, л. 42-43.
- 266 Греки Одессы. Ч. I. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 312-313, 332-333.
- 267 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 295.
- 268 Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 162-163, 477.
- 269 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 119.
- 270 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 96, л. 250-253.
- 271 Греки Одессы. Ч. I. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 474-475.
- 272 Там же, с. 144-145.
- 273 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 692.
- 274 Там же, д. 279, л. 36 об., 502 об., 602; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 397, 398.
- 275 Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса. – 2013, с. 122.

